

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV 2022 № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.
Выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор
РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, про-
фессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет — М. В. Алексеева
Литературные редакторы и корректоры — Д. А. Носов, И. В. Кульганек
Технический редактор — М. А. Козинцев
Подписано в печать 10.06.2022. Вышло из печати: 14.06.2022.
Формат 60×90 1/8. Объем 12 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.
e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939

DOI 0.25882/v6pg-gd83

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022

© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

ФИЛОЛОГИЯ	5
А. С. Донгак. Исторические предания и легенды тувинцев и устные рассказы и представления западномонгольских народов об Амарсане и Чингунжаве	5
Т. Н. Паштакова. Алтайский эпос «Дьбаеар» в репертуаре алтайских и других тюрко-монгольских народов	15
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	25
Б. Л. Митруев. Печати ойратских ханов.....	25
СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	35
С. Л. Бурмистров. Эволюция понятия пустоты: от Палийского Канона к поздней мадхьямаке	35
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	45
С. С. Сабрукова. Страницы истории отечественного монголоведения из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) (<i>Продолжение</i>)	45
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	57
Т. Г. Басангова. Труды по калмыцкой фольклористике за 2021 год	57
Т. В. Ермакова. Конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований-2» (Санкт-Петербург, 14 марта 2022 г.)	61
Ц. Саранцацрал. «Илья Репиний нэрэмжит дүрслэх урлагийн академийн дэг сургууль монголын дүрслэх урлагт» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал.....	66
IN MEMORIAM	68
Л. Б. Бадмаева. Памяти Учителя — Л. Д. Шагдаров (29.10.1930 г. — 13.03.2022 г.).....	68

УДК 821
DOI 10.25882/d8nx-zx98

А. С. Донгак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ТУВИНЦЕВ И УСТНЫЕ РАССКАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ОБ АМАРСАНЕ И ЧИНГУНЖАВЕ

Тувинский и монгольский народы с древнейших времен находились в тесных историко-культурных взаимосвязях, что стало основой для возникновения и взаимовлияния общих сюжетов мифологических представлений, эпических сказаний, героико-исторических и топонимических преданий и легенд и других жанров фольклора. В легендах и исторических преданиях западномонгольских народов и тувинцев также отражена общая борьба против маньчжурских завоевателей. В Туве и Монголии широко распространены легенды и предания об ойротском Амурсане и хотогойтском Чингунжаве, возглавивших движение сопротивления против оккупантов Цинской империи. В статье автор рассматривает в сравнительном аспекте сюжеты и мотивы тувинских легенд и преданий об Амурсане и Чингунжаве с похожими устными рассказами западномонгольских народов.

Ключевые слова: исторические легенды, предания тувинцев, Амурсана, Чингунжав, западно-монгольские народы, устные рассказы, сюжеты, мотивы, параллели.

Об авторе: Донгак Антонина Саар-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, сектор фольклористики, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Россия, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, 4), (igi@tigpi.ru; antdon@mail.ru).

© ИВР РАН, 2022

© Донгак А. С., 2022

Введение. Исторический путь каждого этноса всегда характеризуется тесными этнокультурными связями с соседними народами. Тувинцы, будучи одним из коренных этносов таежного пояса Южной Сибири (Саяно-Алтая), в силу исторических причин, по общим признакам материальной и нематериальной культуры (хозяйственно-культурному типу, религиозно-мировоззренческой общности и тесным языковым связям), относятся к монголо-тибетскому культурному ареалу. До настоящего времени, остается немало неясностей и нерешенных вопросов, связанных с историко-культурными связями тувинцев с различными народностями Западной Монголии. Решение проблем этногенетических, историко-культурных связей должно опираться на комплексную методологию, основанную на историко-археологических, антропологических,

языковых и фольклорных источниках. Предания и устные рассказы народа, сохраняя историческую память о далеких событиях в легендарно-художественной форме, могут иногда послужить дополнительными источниками.

Актуальность. Изучение этнической специфики, сюжетики, типологии и поэтики произведений тувинской несказочной прозы (легенд, преданий и устных рассказов) в сравнительном плане — в сопоставлении с традициями народов Западной Монголии является одним из малоизученных направлений в тувинской фольклористике. Произведения несказочной прозы представляют собой своеобразную устную летопись народа, в которой отражены не только эмпирические знания и представления об окружающем мире, но и выстраданная народом историческая память о далеко прошедших

событиях и идеалистические чаяния людей о лучшем будущем и, выраженные посредством художественно-эстетических приемов и фило-софско-этических взглядов.

Легенды и предания тувинцев и западно-монгольских народов привлекают особое внимание тем, что в течение своего исторического развития эти народы находились с древнейших времен в тесных историко-культурных взаимосвязях, что стало основной базой для возникновения и взаимовлияния общих сюжетов мифологических представлений, эпических сказаний, героико-исторических и топонимических преданий и легенд. Обширная горно-степная зона Западной Монголии, с одной стороны, и, с другой — горные хребты и густые лесо-таежные массивы Южной (Юго-Восточной) и Юго-Западной Тувы были единой территорией разных родо-племенных групп кочевников. Не углубляясь в более древнюю историю, можно сказать, что в XV–XIX вв. «тувинские племена кочевали не только в пределах современной Тувы, но и южнее до г. Кобдо, и восточнее, до Иркутска и оз. Косогол, а также по северной стороне Западного Саяна через Алтай и Минусинскую котловину, до верховьев р. Урунги — Черного Иртыша и до г. Томска» [Маннай-оол, 2004. С. 102–104].

История покорения монголами Саяно-Алтайского нагорья, равно и территории современной Тувы, где проживали такие этнические группы, как тубасы, туматы, байты, тухасы, тенлеки, тоелесы, тасы и многие другие началась «в 1207 г., когда монгольские войска под командованием старшего сына Чингисхана Джучи завоевали «лесные народы», жившие от Байкала до Южной Сибири. При этом были покорены кыргызы и кем-кемджиуты, составлявшие федерацию древнекыргызского государства» [История Тувы, 2014. С. 156]. Так, «до смерти Джучи-хана (1226) и Чингисхана (1227) Саяно-Алтайское нагорье находилось в улусе Джучи-хана, затем перешло во владение младшего сына Чингисхана — Тулуя, а после его смерти (1233) — Соркутани-беги, матери Мункэ, Хубилая, Хулагу и Ариг-Бути, далее в результате междусобных раздоров между наследниками Чингисхана Саяно-Алтайское на-

горье вошло во владение монгольской династии Юань (1271–1368), основателем которой был Хубилай-хан (1260–1294) [История Тувы, 2014. С. 158]. Именно в период монгольского владычества, продолжавшемся в течение почти 550 лет, судьба тувинского народа тесно переплелась с судьбой монгольских народов, и «происходил непрерывный процесс этнического и хозяйственно-культурного сближения и смешения населения Тувы с монголыязычными племенами, оставившими свои следы в этнонимике и топонимике» [История Тувы, 2014. С. 161–162].

Известно, что в истории Монголии «XVII–XVIII вв. — это время расцвета «малых ханств», характеризовавшееся существованием нескольких монгольских феодальных, феодально-теократических государственных объединений, но в стране не было общенационального единства» [Чимитдоржиев, 2002. С. 3]. Длительные военные стычки между западномонгольскими и восточномонгольскими «малыми ханами» — удельными князьями, начавшиеся вследствие падения Юаньской империи в конце XIV в. привели страну к тяжелому кризисному состоянию.

Начиная с XVII в. история Тувы была теснейшим образом связана с возникшим на ее территории и в Северо-Западной Монголии государством Алтын-ханов, ставка самого Алтын-хана находилась на берегу оз. Убсу-Нур или в долине р. Тес [История Тувы, 2014. С. 173–175].

Между тем, в конце XVI в. в Восточной Азии стало складываться маньчжурское военно-феодальное государство, сыгравшее в дальнейшем отрицательную, реакционную роль в истории народов Китая, Монголии, Кореи и других стран Азии, ставших жертвами захватнической политики маньчжурских феодалов и в 1644 г. маньчжурские завоеватели овладели Пекином и основали династию Цин, положив начало своему господству над Китаем [История МНР, 1983. С. 192–195] и продолжавшееся в течение более 500 лет монгольское владычество в Туве в 1758 г. сменилось маньчжуро-китайской оккупацией, которая завершилась лишь в 1911 г.

И как писал тувинский исследователь Б. С. Сонам, «в общении с монголами и миграциях по их территории особо активное участие принимали родо-племенные группы западных и восточных соянов, соответственно проживающих в окрестностях оз. Доре-Нур («Стремя-озеро») и в среднем течении р. Тес, а также чооду, восточные и западные кыргысы», далее он же отмечает, что «восточные кыргысы из местностей Хачык, Дзайгыл, Цэрэг, Балиг (Балыктыг-Хем), как и роды из окрестностей оз. Тере-Холь, посещали своих восточных соседей — монголоязычных дархатов, а также уйгур-урянхайцев, вели с ними торговлю, доходили до оз. Хубсугул, и, конечно же, владели монгольским языком» [Сонам, 1983. С. 121].

Таким образом, основная функция легенд и преданий — это сохранение и передача сведений, знаний об исторических событиях, которые, с течением времени, под влиянием социально-политических факторов, хозяйственно-культурных условий, устной традиции, подвергаются изменениям в своем содержании, новым трактовкам и иногда даже приобретают волшебнo-мифологические свойства, качества.

Об этом свидетельствовали полевые материалы совместной экспедиции ИИ АН Монголии и ТИГИ, проведенной летом 2012 г. в Завхан и Увс аймаках Монголии. В содержании легенд и исторических преданий западномонгольских народов и тувинцев также отражена общая борьба против внешних врагов — маньчжурских завоевателей. И в Туве, и в Монголии широко распространены легенды и предания о таких реальных исторических личностях, как ойротский Амурсана и хотогойтский Чингунжав, которые возглавили движение сопротивления и подняли свой народ против угнетателей Цинской империи.

Начиная с 1970-х вплоть до 1990 г. XX в. и в первое десятилетие XXI в. монгольская фольклористика сделала огромный скачок в теоретических разработках, организации и ведении систематической собирательской работы, архивировании, исследовании и публикации произведений устного народного творчества. С 1982 г. Институт языка и литературы Академии наук помимо исследований, начал выпуск

серии, посвященной разным жанрам монгольского фольклора.

В настоящее время напечатано более тридцати сборников, в числе которых и тома фольклора народов Западной Монголии, подготовленные известным ученым-фольклористом, профессором Б. Катуу: [Захчин ардын аман зохиол, 2004; Дөрвөд аман зохиол, 2005; Монгол урианхайн аман зохиол, 2011], куда вошли, наряду с другими жанрами, легенды и предания.

В монгольской фольклористике для обозначения легенд и преданий закреплены термины — *домо́г* (легенда), *туухийн домо́г* (предание) и *хуучин яриа* (старинный или устный рассказ). В монгольском фольклоре есть также жанр *домо́гт дуу* (букв. «легендарная песня»). Многие народные песни связаны в той или мере с какой-нибудь легендой, рассказывающей об истории появления или сочинения этой песни [Б. Катуу Монгол урианхайн аман зохиол, 2011. С. 580]. В частности, известно, что среди народностей Монголии были широко распространены песни о хотогойтском Чингунжаве и хойдском Амарсане, предводителях вооруженного восстания монгольского народа против цинских завоевателей в 1755–1758 гг. [Дашдорж, 1977. С. 54]. По жанру эти песни можно определить как исторические песни, поскольку они возникли в тот период, когда происходили непосредственно вооруженные восстания, а именно в 1755–56 гг. в среде хойдов и хотогойтов в виде *магталов* (восхвалений), прославляющих предводителей антиманьчжурских выступлений монгольских народов — Амыр-Сану и Чингунжава. Содержание их также со временем подвергались изменениям: если первоначально песни были пронизаны оптимизмом, восхищением, восхвалениями в адрес отважных героев, то более поздние их версии (примерно в 1770-х гг.) уже были проникнуты чувством сожаления, скорби, печали в связи с подавлением восстания и гибелью героев [Дашдорж, 1977. С. 54.]. В течение более 200 лет монгольский народ, помня о героизме Амарсаны и Чингунжава, хранил в своем сердце уважение и чувство благодарности к ним за их патриотизм и героический вклад в борьбу против цино-китайских поработителей и

восстановления независимости своей страны, сочинял песни, постепенно получившие распространение в среде почти всех монгольских народов — халха, хотогойтов, бурятов, калмыков, дархатов т. д. [Дашдорж, 1977. С. 47].

«В своей многолетней борьбе против маньчжурских завоевателей монголы потерпели поражение главным образом вследствие феодальной раздробленности и предательской политики феодалов и высшего ламства» [История МНР, 1983. С. 216]. Известно, что XVII–XVIII вв. в истории Монголии — это время, называемое «периодом феодальной раздробленности».

Целью данной статьи ставилось — проведение сопоставительного анализа сюжетов и мотивов различных вариантов исторических преданий тувинцев и современных устных рассказов западномонгольских народов о таких исторических персонажах, как Амарсана и чин-ван Шадар ван — Чингунжав, которые вели вооруженную освободительную борьбу против маньчжуро-китайских оккупантов в 1755–1758 гг. Изучая различные легенды, предания и устные рассказы, мы ставим следующие задачи: определить основной сюжетно-мотивный состав, идейно-тематическое многообразие, их этническую специфику и типологическую общность как явлений контактных творческих связей с западномонгольскими народами.

Научная новизна настоящей статьи заключается в том, что она станет первой в тувинской фольклористике работой, посвященной легендам и преданиям тувинцев в сопоставительном аспекте с устными рассказами народов Западной Монголии.

Исследования по межэтническим, межрегиональным фольклорным, фольклорно-литературным взаимосвязям всегда являются **актуальными**, ибо собранный и освоенный фольклорный материал позволяет проводить широкие сравнительно-типологические обобщения с одной стороны, и содействует попыткам отыскать генетическое родство и рефлексии культурных влияний с другой.

В процессе текстологической работы также могут быть выявлены и обозначены и другие универсальные характеристики фольклорных

текстов — изобразительные средства, стилистические приемы, языковые особенности, элементы ритмической организации и т. д., характерные для тувинской и монгольской, а также тюрко-монгольской повествовательной традиции в целом.

Впервые тувинские исторические предания об ойратском Амарсане (тув. *Амыр-Санаа*), хотогойдском чин-ване Чингунжаве (тув. *Шыдарбан*) были сгруппированы фольклористом Д. С. Кууларом и опубликованы им в сборнике «Кыс-Халыыр» [К-Х, 1996; Куулар, 1996. С. 14–18].

Характерной особенностью преданий об Амыр-Сане и Шыдарбане, вошедших в данный сборник, является то, что их сюжеты явно основаны на волшебнo-сказочных мотивах [К-Х, 1996. С. 25–30, 33–38].

Так, в томе «Мифы, легенды, предания тувинцев» (под номером 28) из 64-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», издаваемой Институтом филологии СО РАН, были напечатаны пять тувинских вариантов преданий об Амыр-Сане и Шыдарбане с параллельным русским переводом [МЛПТ, 2010. С. 208–232].

О жанровых особенностях различных вариантов тувинских текстов об Амыр-Сане и Шыдарбане писала фольклорист С. М. Орус-оол [Орус-оол, 2010. С. 335–343]. Сказковед З. Б. Самдан провела сравнительный анализ соотношения исторических фактов и фантастических мотивов в преданиях о Шыдарбане и Амыр-Сане [Самдан, 2010. С. 346–350].

Тексты пяти вариантов преданий об Амыр-Сане и Шыдарбане, опубликованные в вышеупомянутом томе «Мифы, легенды и предания тувинцев» были отобраны как лучшие по сюжету и в плане художественности образцы (выше мы отмечали, что отдельные варианты из них ранее печатались в сборнике «Кыс-Халыыр». — А. Д.); Характерными особенностями содержания и художественно-стилистических характеристик этих сюжетов (использование в них гипербола, эпитетов, сравнений, иносказаний, поговорок, словосочетаний, параллелизмов, сказочной символики и т. п.) является то, что они получили влияние сказочно-эпического стиля (приближены к сказочно-эпическому

стилю); Другие примечательные особенности этих текстов — это упоминание в них названий конкретных географических объектов, топонимов (около сорока названий местностей Тувы и пять названий местностей Западной Монголии) и исторических фактов (например, поездка Амыр-Саны в Пекин для уплаты дани маньчжуро-китайскому императору и его встреча с Русским царем и т. д.).

Другими характеристиками, объединяющими эти тексты, является наличие в них повторяющихся сюжетных эпизодов и мотивов. В частности, это такие сюжетные эпизоды: 1) Амыр-Санаа был был нояном-правителем: жили два человека: Амыр-Сана и Шыдар. Амыр-Сана был тувинцем и правил в Туве [МЛПТ, 2010 текст № 86. С. 208–209], а Шыдар был монголом и правил в Монголии [К-Х, 1996. С. 33]; В то время Амыр-Сана был двойным правителем: в Халха Монголии и Южной Монголии [МЛПТ, 2010 текст № 87. С. 216–217]; Амыр-Санаа и Шушпен-Бег состязались стрельбой из лука и спорили меж собой о том, кто же из них более достойный, чтобы занять отцовский трон [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 218–219]; Амыр-Сана в прежние времена был правителем одного из халха-монгольских племен [МЛПТ, 2010 текст № 90. С. 230–231]; 2) Амыр-Сана и Шыдарбан — это герои, которые вели борьбу во имя независимости и освобождения Монголии от китайско-маньчжурского (императора) Эжен-хана: Когда Шунун-хан воссел на ханский престол, Амыр-Сана затеял вражду с ним и ушел жить в другой хошун и начал вести войну против власти хана [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 220–221]; Изначально он (Амыр-Санаа), поднял борьбу за освобождение от китайско-маньчжурского ига, и, проиграв, пустился в бегство [МЛПТ, 2010 текст № 90. С. 230–231]; в Монголии Амыр-Сана, Шыдарбан, У-ноян стали сопротивляться и договорились о том, что сбросят китайское правление [К-Х, 1996. С. 36]; Амыр-Сана — не вор, не угонщик скота и не беглец, а человек, который решил выступить против власти Эжен-хана [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 224–225]; 3) о том, как предали Амыр-Сана и Шыдарбана: У-ноян пошел и раскрыл заговор товарищей Богда хану. Богда

хан тут же схватил У-нояна и казнил, отрубив ему голову. Чтобы схватить Амыр-Сана и Шыдарбана отправили много войск [К-Х, 1996. С. 36–37]; 4) о том, как китайские и монгольские войска преследовали Амыр-Сану: чтобы схватить Амыр-Сану, монгольские войска окружили его [МЛПТ, 2010 текст № 87. С. 216–217]; Дорбетский Далай-Хаан и Сорукту-Хан окружили Амыр-Сану на хребте Когей [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 222–223]; преследовавшее Амыр-Сану войско ту ночь попало под сильный дождь и заночевало на другом берегу реки, напротив места, где прятался Амыр-Сана [МЛПТ, 2010 текст № 89. С. 226–227]; многочисленное войско загнало Амыр-сану к берегу Успа-Далая (озера Убса-Нуур. — А. Д.) [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 222–223]; так вот, преследователи зашли в бедную (букв. дырявую) юрту на берегу озера [МЛПТ, 2010 текст № 90. С. 230–231]; 5) Амыр-Сана отправился на север, к Русскому царю: Амыр-Санаа, прознав о преследовавшем его войске, раскаленный треножник водрузив на загривок своего верблюда, в ту ночь молотком своим истребив тайгу (поваливая тайгу), добрался до России. С тех пор ту тайгу стали называть Алага-тайга [МЛПТ, 2010 текст № 86. С. 212–213]; когда он так добрался до России, многотысячное войско Русского царя схватило его и заключило в железную тюрьму (каземат), и когда стали в зимний мороз его застуживать (продувать горном, чтобы застудить, заморозить), то Амыр-Сана не только не замерз, но даже с его носа пот выступил [МЛПТ, 2010 текст № 87. С. 218–219]; Амыр-Сана, не попадая в руки многотысячно-многочисленного китайско-монгольского войска, так и убежал в Россию [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 224–225]; Амыр-Сана, таким образом, на каждом перевале заговаривая-восхваляя, давал свое обещание-заклинание и так исчез в северном крае [МЛПТ, 2010 текст № 89. С. 228–229]; говорят, Амыр-Сана, коротко обрезав хвост своего коня, через Алтай добрался до Российских земель [МЛПТ, 2010 текст № 90. С. 232–233]; 6) Слова, восхваления, обещания, чаяния, мечты, ожидаемые надежды Амыр-Саны, прославляющие светлое будущее: «Власть не уступлю, говорят же, что тот, кто усту-

пил власть, то в будущем превратится в лысого сивого быка, который таскает подстилки (тюфяки) [МЛПТ, 2010 № 86. С. 208–209]; «Родину бесхозно оставил я!» — так он, злясь на себя, кремьнь свой вышвырнул щелчком [МЛПТ, 2010 текст № 86. С. 210–211]; Удун ноян загнал Амыр-Сану на вершину хребта Хархираа. Когда Амыр-Сана переходил хребет, то он проклял:

— От этого Удун-Хунду детей-потомства пусть никогда не выйдет,

На наверху хребта Хархираа снега-заносы пусть вечно не тают!) С тех пор на вершине хребта Хархираа снег не тает [МЛПТ, 2010 текст № 87. С. 216–217]; «Если от Далай-Хана родится сын, то пусть он не выживет, меня за сына не принял (не подумал, что я тоже чей-то сын), проклятый! Вместо этого пусть эта одинокая лиственница обретет сто желтых товарищей (пусть вырастут рядом с одинокой лиственницей еще сто таких лиственниц, а этот колодец превратится в живительный источник!» [МЛПТ, 2010 текст № 88. С. 222–223];

«До тех пор как с заячьих ушей исчезнет темное пятно,

А по небу начнут летать железные птицы;
Железная веревка начнет говорить,
Золото, серебро земли — все богатство

До тех пор пока не станут
всенародными —

Сокровенных своих желаний достигну я!

В то время народы братьями-побратимами
станут,

Дороги, границы станут неразличимыми,

Дерево-камень, скот, пишевица-сено работой (для них) станут! — так сказал и развеял по сторонам света травы-растения, которых в ладони своей в порошок раздавливал-растирал [МЛПТ, 2010 текст № 89. С. 228–229]; «Это каменное изваяние, когда начнет загнивать, а хвост моего рыжего коня, когда отрастет до земли, во всей Вселенной счастливую-богатую благоденствующую власть построю я!» [МЛПТ, 2010 текст № 90. С. 232–233];

В монгольском варианте предания об Амарсане [Домог, 2014. С. 70–72] очень мало сюжетных совпадений с тувинскими версиями, но, в монгольском в тувинских текстах, в частности, были выявлены следующие схожие мотивы:

1) о численности маньчжурской и русской армий и войск Амарсаны: многочисленное войско загнало Амыр-сану; многотысячное войско Русского царя (тув.); Маньчжурский император отправил на поимку Амарсана стотысячное войско во главе с генералом Сааралом (монг.);

2) о горных местностях и реках, озерах, где останавливались Амарсана и его преследователи: маньчжуры разбили лагерь в долине реки Мухарт, с северного склона горы Цайр, с южного склона горы Борзон (монг. вар.); преследователями и противниками Амарсаны были Дорбетский Далай-Хаан, Сорукту-Хан и Удун-ноян, которые загнали его на хребет Когей (варианты — хребет Хархираа и берег озера Успа-Далай), Амыр-Сана убежал в Россию через Алтайские горы (тув. вар.);

3) о сильном дожде: преследовавшее Амыр-Сану войско ту ночь попало под сильный дождь (тув. вар.); поскольку Амарсана обладал магическими способностями, то он посредством магического камня зад вызвал сильный дождь и град, и в тумане маньчжуры ничего и никого не видя, кричали и не могли разобраться, где свои, и где чужие, начали убивать друг друга. Так маньчжуры поубивали сами себя...» (монг. версия);

4) о проклятиях и обещаниях: когда Амарсана придумав хитрый ход, победил превосходящее численностью маньчжурское войско и генерал Саарал вернулся в Пекин с пустыми руками, то маньчжурский император так проклял: «Пусть вода в реке Бургэдтэй испарится, а деревья, растущие вдоль реки Бургэдтэй, побелеют и иссохнут» и с тех пор вода в реке испарилась, а деревья вдоль реки все высохли, более того, наверху горы, окружающей реку Бургэдтэй, стало будто опоясанным железом (говорят, это было исполнение проклятия маньчжурского хана) (монг. пред.); когда Амыр-Сана переходил хребет Хархираа, то он проклял: «От этого Удун-Хунду детей-потомства пусть никогда не выйдет, а на наверху хребта Хархираа снега-заносы пусть вечно не тают!). И с тех пор на вершине хребта Хархираа снег не тает; Амыр-Сана, на каждом перевале заговаривал-восхвалял, давал свое обещание и так исчез в северном крае; говорят,

Амыр-Санаа, коротко обрезав хвост своего коня, через Алтай ушел на север. «Родину бесхозно оставил я!» — так он злился (на себя и кремень свой вышвырнул (тув. вар.);

5) о верблюдах: Амыр-Сана, узнав о преследователях, раскаленный треножник водрузил на загривок своего верблюда и в ту же ночь, молотком истребив тайгу (поваливая тайгу), добрался до России (тув. вар.); чтобы победить превосходящее по численности маньчжурское войско, Амарсана придумал хитрый ход, на четырёх верблюдах отправил двухсот своих воинов с оружием и доспехами, а китайцы были безоружны, ожидая лишь подарков-подношений, т. к. от Амарсаны было послание, что он отправил подарки генералу Сааралу (монг. вар.);

Мотивы о казни Чингунжава из материалов, собранных Г. Н. Потаниным и устных рассказов, записанных нами во время экспедиции летом 2012 г. в Завхан и Увс аймаках Монголии, были очень схожи. В частности, у Г. Н. Потанина, это такие варианты: вариант «и»: его тело разрывали кусочками, равными китайским монетам; вариант «о»: Шыдарбана привезя в Пекин, казнили, облажив его тело монетами; вариант «п»: Эжен-хан так приказал: облажить его тело монетами, через дырочки монет (китайские монеты с дырочками посередине. — А. Д.), выковырять кусочки кожи железным крючком с изогнутым краем, а затем отрубить голову; вариант «с»: Шыдарбана увезли в Пекин; там его тело клешнями разрывали из узкой дырочки монет; после того, как из 81 дырочки вырвали плоть, то он (Чингунжав. — А. Д.) умер. [Потанин, 1883. С. 301, 304, 305, 307].

«О Чингунжаве Хотогойтском мы слышали следующее: когда маньчжуро-китайцы стали слишком угнетать монгольский народ своими налогами и поборами, люди так сильно обнищали, что началось сопротивление народа всему этому под предводительством Чингунжава. Не думал он [Чингунжав] о себе и у него было слишком мало сторонников, он, почти, что один вел борьбу, и когда его загнали в угол, чтобы поймать, то он на своем коне-жеребце, через озеро Хувсугул поскакал на северный склон (тут видимо, имеется в виду один из склонов Восточных Саян. — А. Д.). И когда стало очевидно,

что он все равно попадет в руки преследователей, говорят, Чингунжав, свое боевое знамя привязал к хвосту своего коня и так оставил его. С тех пор это место стали называть Хул Азаргын нуруу (хребет Саврасого жеребца). Когда он поднимался по таежному склону, пустили слух, что тот, кто его поймает, получит вознаграждение серебряными монетами-лан. Один обнищавший человек донес на него (Чингунжава). Потом преследователи пошли за ним, и, окружив, схватили его. Когда схватили и привезли в Пекин, то через дырку китайских монет, его кожу дырявили (прикрепив монету на его тело и через дырочку в монете извлекали его кожу, так ранили и убили, говорят. Затем люди говорили, что у того китайского амбана родился сын, на теле которого, были круглые, будто впечатанные, в виде монет, отметины» (Цэвэгдорж, зап. 28.07.2012).

Сохранению памяти о легендарном образе Чингунжава среди хотогойтского народа способствовал также природный памятник — большая скала, возвышающаяся в окрестностях сумона Баян-Тэс Завхан аймака Монголии. Местные жители усмотрели в естественных очертаниях природного памятника портрет Чингунжава и верят в то, что герой возродился в таком виде: «Сейчас я мечтаю о том, чтобы сняли фильм о Чингунжаве. Здесь есть скала Чингунжав. Вы же сами хорошо видите... Если всмотреться издали, действительно, скала похожа на человека. Вон там след от ноги, вот голова, глаза, четко виднеется грудь человека. С той стороны тоже очертание похоже. Местность, где стоит наш сумон, называют Шивээт. Здесь происходило большое сражение, завершившееся победой повстанцев во главе с Чингунжавом, потому местность называется Зайсан Шивээт» (Жамсрандорж, зап. 28.07.2012). Эта скала, являясь в народных представлениях воплощением образа Чингунжава, стала одним из сакральных объектов.

Известные из исторических документов факты о предательской роли, которую сыграли местные жители в поимке и сдаче Чингунжава цино-китайским войскам, стали еще одним устойчивым мотивом устных рассказов: «Чингунжав, прячась от преследуемых его китайцев,

был схвачен то ли дархатами, то ли китайскими войсками» (Уржинсайхан, зап. 30.07.2012).

Мотив о том, что Амыр-Санаа, прячась под одиноким деревом, высказал благопожелание, встречается и в тувинских версиях легенд и преданий: «Дорбетский Далай-Хан и Соруктуг-Хан на хребте Когей окружили Амыр-Сану. Тогда Амыр-Санаа ночью сбежал и у устья реки Саглы в Овьуре (приграничная с Западной Монголией территория Тувы. — А. Д.) в местности, называемой Кара-Бяиш, к одинокому деревцу (эта была лиственница), стоящему посреди степи, привязав свою лошадь, и так задневал. Оказалось, что рядом с лиственницей, был колодец, откуда Амыр-Санаа брал воду и варил себе чай. Так он дал своей лошади отдохнуть, и когда уходил, то сказал следующее проклятие: «Если от Далай-Хана родится сын, то пусть он умрет, поскольку он (Далай-Хаан. — А. Д.) ведь он не сравнил меня со своим сыном (не отнесся ко мне как к сыну. — А. Д.). Наряду с проклятием, он также сказал благопожелание:

«Вместо этого пусть эта желтая лиственница обретет сто своих товарищей, этот колодец разольется широкой водой!». Одинокая лиственница, стоящая посреди степи лесочком разрослась. Этот лесок называют «Зуун Хараа» по-монгольски, а по-тувински «Чус дыт («Сто лиственниц»). А колодец превратился в широкую реку-воду, бьющую из колодца» [МЛПТ, 2010 текст 88. С. 222–223].

Примечательно то, что в данном предании мотив о том, как Амыр-Санаа прятался (укрывался) под одинокой лиственницей и появлении названия Зуун Хараа (Сто лиственниц), связанного с героическими делами Амыр-Саны, и в тувинском, и западномонгольском фольклоре идентичны и можно сказать, что он стал устойчивым. В ходе комплексной экспедиции ТИГИ и ИИ АН Монголии в июле 2012 г. в Завхан, Увс аймаках Монголии, были зафиксированы устные сведения, рассказы, в которых сохранились те же мотивы. Народы Западной Монголии бережно сохраняют в своей памяти воспоминания об Амыр-Сане и Чингунжаве:

На вопрос «Что Вы слышали об Амыр-Сане, пел ли народ песни об Амыр-Сане?», то был дан следующий ответ: «Говорят, в Сагил сумоне есть

камень со следами копыт коня Амарсаны. Есть также местность Зуун мод (Сто деревьев. — А. Д.). На перевале, прежде чем его схватили, он выживал, укрываясь под одиноким деревом, и тогда он произнес благопожелание: «Пусть появятся сто лиственниц!», то там выросло сто лиственниц, говорят...» (Цогоо, зап. 02.08.2012).

Инфоманты сообщили, что похожие названия — Зуун хараа по-монгольски и Чус дыт (Сто лиственниц) по-тувински имеются на территориях Сагил сумона Увс аймака Монголии и сумона Саглы Овьурского района Республики Тыва. Интересно, что и названия сумонов похожи, потому что населенные пункты расположены у устья и вдоль одной реки — Сагил или Саглы, их разделяют одна гора и линия государственной границы. Возможно, наличие таких похожих мотивов могут свидетельствовать о реальных событиях.

Мотив об одиноком дереве присутствовал и в рассказе о Чингунжаве: «За горой Хархираа был одинокий куст караганника. Чингунжав прятался за ним от преследователей и произнес благопожелание: «Пусть превратится в десять тысяч кустов!» и с тех пор там появилась большая заросль караганника». (Борлууд овогтой баяд хун, зап. 03.08.2012).

В заключении следует сказать, что сравнительный анализ сюжетов и мотивов тувинских легенд и преданий об Амырсане и Шыдарбане и похожих явлений монгольского фольклора, включая современных устных рассказов, показал, что и тувинские, и монгольские сказители, рассказчики, носители традиций до настоящего времени в рамках устной стихии бережно сохранили различные представления и сведения об образах этих героев, их героических поступках и давно прошедших событиях. Основным леймотивом этих текстов звучит прославление таких исторических личностей, как Амыр-Сана и Шыдарбан, которые не побоялись вести неравную освободительную борьбу против маньчжуро-китайских оккупантов в 1755–1758 гг. Это герои, которые отдали свои жизни во имя освобождения родной земли и своего народа.

Наличие в их содержании похожих сюжетов и мотивов, доказывает типологическую общность этих явлений как результат контактных

творческих связей тувинцев с западномонгольскими народами, обусловленную сходной исторической судьбой тувинского и монголь-

ского народов, того пути которого они прошли вместе и общей борьбой с китайско-маньчжурскими поработителями-оккупантами.

Использованная литература

Дашдорж, 1977: *Даидорж Д.* Домогт баатрын тухай түүхэн дуу [Исторические песни о легендарных героях] / Аман зохиол судлал [Фольклористические исследования]. Tomus X. Fasciculus I-13. Улаанбаатар, 1977. X. 24-54.

Dašdorž D. Domogt baatryn tuxaj tüüхэн duu [History songs on legendary heroes] / Aman zoxiol sudlal [Folklore studies]. Tomus X. Fasciculus I-13. Ulaanbaatar, 1977. P. 24-54.

Домог, 2014: Домог (Легенды). Улаанбаатар, «Монсудар» хэвлэлийн газар 2014. 519 х. (На монгольском языке)

Domog [Legends]. Ulaanbaatar, «Monsudar» хэвлэлийн газар 2014. 519 p. (In Mongolian)

Дөрвөд ардын аман зохиол, 2005: Дөрвөд ардын аман зохиол (Фольклор народности дорвед). Улаанбаатар, 2005. (На монгольском языке)

Dörvöd ardyn aman zoxiol [Durbed folklore]. Ulaanbaatar, 2005. (In Mongolian).

Захчин ардын аман зохиол, 2004: Захчин ардын аман зохиол. Эмхтгэн боловсруулж, эрдэм шинжилгээний удиртгал өгүүлэл бичсэн доктор, профессор Б. Катую, доктор Э. Пүрэвжав (Фольклор народности захчин. Составители и авторы вводной научной статьи доктор, профессор Б. Катую и доктор Э. Пүрэвжав). Улаанбаатар, 2004. 452 х. (На монгольском языке)

Zakhchin ardyn aman zokhiol. Emkhtgen bolovsruulzh, erdem shinzhilgeenii udirtgal ögyüel bichsen doktor, professor B. Katuu, doktor E. Pürevzhav [Zakhchin folklore. Compiled and prefaced by Dr., Prof. B. Katuu and Dr. E. Purevjav]. Ulaanbaatar, 2004. 452 p. (In Mongolian).

История МНР, 1983: История Монгольской Народной Республики. М., 1983. 660 с.

Istoriya Mongolskoy Narodnoy Respubliki [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow, 1983. 660 p.

История Тувы, 2014: История Тувы. В 2-х т. Том I. 2-е изд., перераб. и доп. Кызыл, 2014. 366 с.

Istoriya Tuva. V 2-kh t. Tom I. 2-ye izd., pererab. i dop. [History of Tuva. In 2 volumes. Volume I. 2nd ed., Revised. and add.] Kyzyl, 2014. 366 p.

Катую, 2011: *Катуу Б.* Монгол урианхайн аман зохиол (Фольклор монгольских урианхайцев). Улаанбаатар, 2011. 580 х. (На монгольском языке).

Katuu B. Mongol urianxajн aman zoxiol [Folklore of the Uryankhais of Mongolia]. Ulaanbaatar, 2011. 580 p/ (In Mongolian)

Куулар, 1959: *Куулар Д. С.* О тувинских легендах и преданиях // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 7. Кызыл, 1959. С. 134-142.

Kuular D. S. O tuvinskikh legendakh i predaniyakh [About Tuvan legends] // Uchenyye zapiski TNIIYALI. Issue 7. Kyzyl, 1959. P. 134-142.

К-Х, 1974: Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугааларының чыыжызынын катап үндүрүлгези [Девичья скала: Тувинские народные легенды и предания] / Куулар Д. С. Кызыл, 1974. (На тувинском языке)

Kys-Khalyyr: Tyva ulustun toolchurgu bolgash төөгү chugaalaryнун chyuzhyzynun katap үндүрүлгези / Kuular D. S. [Rock girls: Tuvan folk stories and legends. Compiled by Kuular D.] Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1974. 157 p.

К-Х, 1996: Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугааларының чыыжызынын катап үндүрүлгези [Девичья скала: Тувинские народные легенды и предания] / Куулар Д. С., Куулар Ч. Ч. Кызыл : Тувин. кн. изд.-во., 1996. 157 с. (На тувинском языке)

Kys-Khalyyr: Tyva ulustun toolchurgu bolgash төөгү chugaalaryнун chyuzhyzynun katap үндүрүлгези / Kuular D. S. and Kuular Ch. Ch. [Rock girls: Tuvan folk stories and legends. Compiled by Kuular D. and Kuular Ch.] Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996. 157 p. (In Tuvian).

Маннай-оол, 2004: *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004. 166 с.

Mannay-ool M. Kh. Tuvintsy: proiskhozhdeniye i formirovaniye etnosa [Tuvans: the origin and formation of the ethnol]. Novosibirsk, 2004. 166 p.

МЛПТ, 2010: Мифы, легенды, предания тувинцев. Новосибирск, 2010. 372 с.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, traditions of Tuvans]. Novosibirsk, 2010. 372 p.

Орус-оол, 2010: *Орус-оол С. М.* Тувинские легенды и предания о выдающихся героях Шыдарване (Чингунжаве) и Амыр-Санаа // XVIII-XX зууны эхэн үеийн Монголын түүхийн судалгаа. Улаанбаатар, 2010. 412 с.

Orus-ool S. M. Tuvinskiye legendy i predaniya o vydayushchikhsya geroyakh Shydarvane (Chingunzhava) i Amyr-Sanaa [Tuvan legends and folk stories about outstanding heroes Shydarvan (Chingunzhava) and Amyr-Sanaa] // XVIII–XX zuuny ekhen yeiyn Mongolyn tyukhiyn sudalгаа. Ulaanbaatar, 2010. 412 p.

Потанин, 1883: *Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4.* СПб., 1883. 1025 с.

Potaniin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Вып. 4 [Essays on Northwest Mongolia. Issue 4]. St-Petersburg, 1883. 1025 p.

Самдан, 2010: *Самдан З. Б. Мифологические мотивы в тувинских исторических преданиях о Шыдарбане и Амыр-Сане // XVIII–XX зууны эхэн yeiyn Монголын түүхийн судалгаа. Улаанбаатар, 2010. 412 с.*

Samdan Z. B. Mifologicheskkiye motivy v tuvinskikh istoricheskikh predaniyakh o Shydarbane i Amyr-Sane [Mythological motives in Tuvan historical legends

about Shydarban and Amyr-Sana] // XVIII–XX zuuny ekhen yeiyn Mongolyn tyukhiyn sudalгаа. Ulaanbaatar, 2010. 412 p.

Сонам, 1983: *Сонам Б. С. О лексических особенностях монгольского языка юго-восточных тувинцев // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С. 119–126.*

Sonam B. S. O leksicheskikh osobennostyakh mongolskogo yazyka yugo-vostochnykh tuvintsev [On the lexical features of the Mongolian language of the southeastern Tuvinians] // Voprosy tuvinskoy filologii. Kyzyl, 1983. P. 119–126.

Чимитдоржиев, 2002: *Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2002. 215 с.*

Chimtdorzhiyev Sh. B. Natsionalno-osvoboditelnoye dvizheniye mongolskogo naroda v XVII–XVIII vv. [National liberation movement of the Mongolian people in the 17th–18th centuries] Ulan-Ude, 2002. 215 p.

Список информантов

(Полевые материалы совместной экспедиции ТИГИ и ИИ АН Монголии, собранные в Завхан и Увс аймаках Монголии; 25 июля — 05 августа 2012 г.)

Баядын Борлууд овгийн хүн, баяд, 59 лет, родился в сумоне Тэс, работает в администрации сумона, зап. 03.08.2012, сумон Тэс Увс аймака.

Баядын Цагагч Довнойн Цогоо, 1968 г. р. баяд, чабан, зап. 02.08.2012, сумон Тэс, Увс аймак.

Баядын Цагагч Довнойн Цогоо, 1968 г. р., баяд, чабан, зап. 02.08.2012, сумон Тэс Увс аймака.

Хиргис овогтой Цэрэндоржийн Үржинсайхан, 1959 г. р., дархад, чабан, зап. 30.07.2012, сумон Тэс, Завхан аймака.

Шар халзан овогтой Цэгмэдийн Жамсрандорж, 1967 г. р., элжгэн-халха, председатель бага Бужир, зап. 28.07.2012, сумон Баян-Тэс, Завхан аймака, *Чингүнжавын хадны тухай.*

Шарнууд Өсөхийн Цэвэгдорж, 75 настай хотогойт, работал шофером-дальнебойщиком, сумон Баянтэс Завхан аймака.

HISTORICAL TRADITIONS AND LEGENDS OF TUVANS AND NARRATIVES AND IDEAS OF THE WEST MONGOLIAN PEOPLES ABOUT AMARSAN AND CHINGUNZHAV

Antonina S. DONGAK

Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research

Since ancient times, the Tuvan and Mongol peoples have been in close historical and cultural relationships, which became the basis for the emergence and mutual influence of common plots of mythological representations, epic legends, heroic-historical and toponymic traditions and legends and other genres of folklore. The legends and historical traditions of the West Mongolian peoples and Tuvans also reflect the common struggle against the Manchu conquerors. In Tuva and Mongolia, there are widespread legends and traditions about the Oiroi Amursan and the Hotogoyt Chingunzhava, who led the resistance movement against the invaders of the Qing Empire. In the article, the author examines in a comparative aspect the plots and motives of Tuvan legends and legends about Amursan and Chingunzhava with similar narratives of the West Mongol peoples.

Key words: Tuvan folklore, historical legends and traditions, Western Mongol peoples, texts, plot, motives, parallels, commonality.

About the author: **Antonina S. DONGAK** — Cand. Sc. (Philology), leading research fellow, Department of Folklore Studies, Tuva Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics (4, Kochetov St, Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russia). igi@tigpi.ru; antdon@mail.ru